

STYLISTYKA

*Аурика Червински**

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЗОНЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. ЗАКОН СИЛЫ КАК ОСНОВНОЙ ЗАКОН В УГОЛОВНОМ МИРЕ

Закон силы считается основным законом в уголовном мире. Слабый становится презираемым. К слабым относятся дети, женщины, гомосексуалисты, те, кто от кого-нибудь зависит, те, кого можно обмануть или ограбить, те, кто опозорил себя, не выдержав испытания или связавшись с властями. Каждый принимаемый в группу проходит своеобразный обряд инициации (так называемая *прописка*), этим проверяется, насколько он слаб или вынослив.

От этой процедуры, а точнее, от того, как новичок ее перенес, – терпел или просил прекратить, или кричал, или хныкал, или же ему удалось воспротивиться издевательствам, – зависит его место в иерархии. Ролевые отношения **говорящего и слушающего** играют при этом, как в любом речевом контексте, немаловажную роль (Винокур 1993). Этот феномен не является сугубо принадлежащим тюрьме, казарме, или лагерной зоне, он встречается также в школах: издевательствами проверяются «на прочность» новички в классе, и от того, как они выдерживают испытание, зависит в дальнейшем отношение к ним, будут ли издевательства продолжаться дальше, или же их признают сильными и надежными членами группы.

Потребность презирать и унижать слабого основывается на том, что человек зоны является и чувствует себя ущербным. Унижая другого (а одна из основных и немногочисленных потребностей зоны – потребность *унижать и не быть униженным*), неполноценный человек

* Centrum Badawcze „Nicomant”, Jerozolima.

чувствует себя менее неполноценным. А если место в иерархии представляется для него критерием ценности человека, то он может чувствовать себя вполне на высоте, когда ему удастся принизить человека, более достойного, чем он сам. Форма самоутверждения за счет другого и в ущерб другому свойственна людям, которые не обладают потенциями самоутвердиться иным способом.

В уголовном мире любой недостаток, любая ущербность (хоть малейшая) берется на вооружение для того, чтобы можно было издеваться над другим, унижать его. И в этом контексте агрессию словообразования следует рассматривать как своеобразную форму человеческой деятельности (Земская 1992). Поскольку внутренним качествам не уделяется внимание, то это обычно **внешние недостатки и изъяны, какие-то материальные связи, а кроме того – непохожесть на других, вокруг себя, недостаток ума** (о чем каждый в зоне может судить со своей колокольни), а также еще, например, **плохая или необычная одежда, иная национальность, другой цвет кожи, какие-либо психические заболевания, заметные изъяны внешности, выдающиеся, искривленные или несоразмерные части тела, необычные бросающиеся в глаза привычки** (которые не считаются нормой или привилегией в уголовной среде), **материальная зависимость от кого-либо, видимое нарушение правил и запретов уголовного мира, демонстративное либо даже неявное нежелание следовать принятым в этой среде законам.**

Можно заметить, что многие из этих недостатков, которые могут быть вменены в вину в уголовной среде, не зависят от человека, являющегося их носителем (например, они конституциональны или вызваны вынужденным положением). Таким образом, для того, чтобы не быть униженным, вовсе не нужно обладать достоинствами, поскольку они не оцениваются. Видимый изъян и недостаток можно найти у кого угодно, и чтоб за него человека не принижали, нужно *уметь за себя постоять*. **Физическая сила** – не достоинство. Для того, чтобы обладать ею, вовсе не нужно иметь способности. Иначе, – физическая сила – способность подчинить себе другого. Если ты можешь **подчинить себе физически сильных хитростью**, или как-нибудь по-другому, ты тоже неуязвим (пока у тебя есть власть и нет на тебя сильнеешего).

Презираемым и слабым в уголовном мире является тот, кто **нарушил какие-то правила и не умеет за себя постоять**. **Слабым и непохожим** (на настоящего мужчину, героя этого извращенного мира), а следовательно, презираемым существом является **женщина**. Обычно презираемого ставят в одну позицию с нею. Эти тенденции отражаются в языке преступной среды (Балдаев 1997) следующим образом:

– *жена* имеет значения ‘пассивный гомосексуалист’, ‘любовница’, ‘подушка’ (*подушка* – это то, а в данном случае кто, что и кого можно

бить, давить и месить без ущерба для него; это то и тот, что и кто не чувствует, что с ним ни делай; примером тому *пассивный гомосексуалист* – униженный, эта позиция является наказанием для провинившегося);

– *женский монастырь* – камера-одиночка для доносчиков (доносчик становится презируемым, как нарушивший правило круговой поруки, доносчиком считается человек, выдавший другим властям);

– *женщина* имеет значения ‘матрац’, ‘пассивный гомосексуалист’ (то, что находится *под*, внизу, на ступень ниже, в униженном положении);

– *жичить* – ‘наказывать’, ‘ругать’; однокоренное, а следовательно, ассоциативно связанное, *жичка* – ‘поросенок’, ‘неопрятная женщина’ (т. е. налицо внешний изъян, за который можно уже презирать).

Вот пример, который иллюстрирует, что с точки зрения уголовной логики достоин презрения тот, кто имеет явный недостаток, кажется или является беспомощным: *зыза* – ‘ничтожество’ (о человеке), ‘неряшливый, неопрятный человек’, ‘несобранный, рассеянный человек’.

Презирают также в этой среде **неумного, неполноценного человека**. Он является безусловно неполноценным, против этого никто не может возразить, и выразить ему презрение рад каждый, кто чувствует себя внутренне неполноценным, но неполноценность которого не видна сразу другим. (Тут еще есть защитная мотивация: отвлечь внимание от себя на другого, который более обделен судьбою.) Пренебрежительный оттенок носят слова, которые означают глупого человека: *фанера*, *дупель*, *баран*, *башмак*, *бревно*, *дуб* – равенство такого человека неодушевленному предмету, он же *дундук*; *дунька* (простодушная женщина), а также любой простодушный человек будет *кабель*, *карась*, *комик*; *копыто* (тупой, внизу, на него наступают, ср.: *башмак* – это тоже нечто подобное); *кругляш* (зацепиться не за что); *лапоть* (что подобно *копыту* и *башмаку*, т. е. то, что топчут); *лопата* (грубое простое орудие физического труда); *мудозвон* (читай: не мужчина); *недоделанный* (здесь имеет место типичный перенос: человек из уголовной среды – сам по себе по сути недоделанный, он не развит в достаточной степени психически в силу печальных обстоятельств его жизни, он не доделан в экзистенциальном смысле, родители его породили, но не воспитали, не ввели должным образом в социальное окружение, т. е. действительно не доделали); *обушок*, *оглобля*, *олень*, *пальцем деланный* (т. е. неестественным путем, при отсутствии мужчины, а женщина в уголовном мире считается неполноценной и презренной, тем более женщина-лесбиянка, как посягающая на мужскую роль и мужское достоинство); *пенек*, *пейтох*, *робот*, *рундук*, *сибирский валенок*, *сундук с клопами*, *таракан*, *тумак* (тот, кто получает тумачи, и сам может быть орудием битья); *хохмач* (над каждым его словом

и поступком следует смеяться); *хромосома волосатая* (как полное ничтожество) и *чугунок* (пустая емкость, ничто).

А теперь приведем слова, означающие в уголовном жаргоне **умственно отсталого**, обратив при этом внимание на ассоциативное поле словообразования (Караулов 1999): *бельмондо*, *быдло*, *ванёк*, *гегемон* (тут ощутима ирония по отношению к социальному языковому штампу *гегемония пролетариата*, поскольку, на деле, пролетариат не является по сути в России гегемоном, т. е. он в новой российской истории повел себя, как повел бы себя человек умственно отсталый, дав себя глупо надуть и грубо, бессовестно обмануть); *гигант мысли*, *дубарь*, *дупель*, *канцлер*, *кувалда* (т. е. тяжелый в обращении и твердый неодушевленный предмет, предназначенный для грубой физической работы); *недоносок* (механизм этого смыслообразования уже объяснялся выше); *с тараканом в котелке*, *стебанутый* (жертва сексуального насилия, т. е. женщина, гомосексуалист); *тормоз*, *трудный*, *топор*, *чурка* (что-то неодушевленное и деревянное); *шлак* (то же самое, что отбросы, отходы, мусор, экскременты); *шланг* (висящий пустой мужской половой орган).

Далее приведем лексемы, называющие **психически ненормального человека**: *бельмондо*, *двинутый*, *жизнерадостный* (здесь присутствует элемент зависти к психически больному как к человеку без забот и проблем, также отношение к радости, как к ненормальному симптому, презрение к тому, кто испытывает это чувство); *император*, *канцлер* (о мании величия), *плебей*, *плебс* (тупой, тупоумный), *поехавший* (от *крыша поехала*), *радостный* (в состоянии эйфории), *стебанутый*, *топор* (человек тупой и тяжелый в общении), *чокнутый*...

Другая тенденция: презируемый соотносится с экскрементами, грязью, заднепроходным отверстием. Основная форма унижения и отвода в разряд презируемых – мужеложство. Это называется *опустить*, т. е. процедура эта и означает опускание на низшую ступень иерархии. Фактически иерархические отношения выражаются в том, кто кому подставляет свою заднюю часть для так называемых в армии *неуставных отношений*. Смысл этого действия – поставить другого в позицию женщины по отношению к себе. Высший утверждает низшего в женской роли для себя, т. е. в роли слабого, потенциальной жертвы насилия, в роли того, кто *под*, а кто *над*. Примеры из уголовного языка говорят сами за себя: *попка*, *попкарь*, *простодырка* – названия глупого человека (женщина в уголовном языке называется по тому же принципу – по функциональному значению ее гениталий, т. е. отверстия, которое предназначено для введения в него мужского полового органа); *закозлить* – выдать, донести, совершить акт мужеложства; *замазать* – т. е. запачкать грязью или, еще хуже, экскрементами; сделать человека зависимым (как правило, предварительно его скомпрометировав);

замазаться – проиграться, влезть в долги, оказаться в неприятном положении; *замазка* – долг, карточный проигрыш, взятка, испражнения; *император* – психически ненормальный человек, заключенный – уборщик туалетов; *империя* – женские половые органы, туалет в ИТУ (исправительно-трудовое учреждение); *канцлер* – тот же заключенный – уборщик туалетов, умственно отсталый человек либо психически ненормальный человек; *кап-кап* – кожно-венерологический диспансер (по принципу *конец течет*), а также доносчик, осведомитель (по аналогии с *недержанием – речи, мочи*); *капуста* – болезнь прямой кишки у гомосексуалистов, и однокоренное этому *капустник* – взяточник, ничтожество (возможно, с дополнительным семантическим оттенком *капуста* – большие деньги, первоначально «доллары»); *очко* – задний проход, унитаза, также выражения с этим словом означают трусливого, презираемого человека; *клизма* – проститутка, наказание, болтун, а *клизму поставить* – наказать, отругать, унижить (символически это выражение означает мужеложство, половое сношение через задний проход, которое является более унижительным и потому более предпочтительным для садиста).

Способы унижения – загнать на парашу, сделать пассивным гомосексуалистом, загнать под нары. Основной смысл этих действий – соотнести презираемого с грязью, сделать его подобным женщине (характерный знак униженного – **тарелка и ложка его с дыркой** – как указание на то, что он не мужчина, а *дырка* – женщина, а также заднепроходное отверстие), желание поместить его *под* себя.

2. ЧЕЛОВЕК: ИНТЕЛЛЕКТ И ТУПОСТЬ

В уголовном мире интеллект и интеллектуальность, равно как и образование, не пользуются уважением. Интеллектуальный человек обычно стоит по другую проволоку колючей проволоки, отделяющей воровской и преступный мир от законопослушного общества. Интеллектуал – это тот, которого воры называют *фраэром* (сейчас это слово несколько устарело и употребляется в основном в выражениях), т. е. потенциальная жертва грабежа, человек, не имеющий никакого отношения к преступному миру и не знакомый с его правилами. В последнее время именно интеллектуалы входят в эту категорию из-за того, что многие дети и подростки, а потом и люди постарше, пользуются для своих взаимоотношений с действительностью воровским языком и воровскими законами (возможно, как следствие необратимого уже в России процесса уничтожения института семьи).

Другой аспект этого явления: человек интеллектуальный и образованный вызывает зависть. Обычно это ребенок с относительно счастливым детством, о котором дитя из зоны, из детского дома, рожденное воровкой или проституткой, не смеет и мечтать. Представитель уголовной среды не может признать для себя ценность интеллекта и образования, поскольку это было бы для него равносильно признать себя неполноценным и несчастным, лишенным раз и навсегда этой ценности.

Более того, обратим внимание на то, что в уголовной среде – и в ее жаргоне – **интеллектуальный человек всегда ассоциируется с недостатком физической силы**. Причин этому несколько:

– во-первых, потому, что тот, чьи занятия сильно интеллектуализованы, мало будет придавать значения силовым упражнениям, или забудет о них, или ему не хватит на них времени;

– во-вторых, потому, что нередко интерес к усиленным интеллектуальным занятиям спровоцирован компенсаторной установкой физически неполноценных, ослабленных, болезненных детей;

– в-третьих, известно, и часто на этом материале делаются слишком широкие обобщения, что ряд известных умных людей страдали серьезными психическими недостатками, а это положение может сильно утешить человека, который чувствует, что не слишком умен и способен.

Еще следует подчеркнуть одно: **человек, склонный к интеллектуальным занятиям и много читавший, не считает закон силы основополагающим законом жизни**. И поэтому, даже если он силен, как бык, он не станет полагать драки и кулаки серьезными аргументами. А в уголовном мире эти две вещи считаются главными доказательствами мужской состоятельности и того, насколько человек достоин почтения.

Однако нельзя думать, что в уголовной среде приветствуется глупость и необразованность. Критерием ума считается знание своеобразных правил преступного мира и речи. Хитрость вызывает иногда уважение, иногда восхищение, но как качество не приветствуется. Об уме, само собой разумеется, каждый судит по своим меркам и устанавливает для других свои пределы. Если кто-то выходит за эти пределы вниз (т. е. кажется глупее, или же менее нахватав в воровских законах), – над ним смеются, если ж вверх (т. е. умнее, или считает, что личное мнение и личный взгляд на мир более ценны и достоверны, чем взгляд обтекаемого ВСЕ (как совокупность коммуникативного окружения), а именно ими и установлены воровские законы), – его ставят на место при помощи существенных доказательств (ударов, оружия, проверенных методов унижения и низведения на низшие ступени уголовной иерархии).

Вот примеры жаргонного языка, которые иллюстрируют вышесказанное: *рюхнутья, кипшинутья* – вспомнить, спохватиться на

этом языке (*китиши* – шум, скандал), *щекотнуться*; *рыба* – хитрый человек (т. е. скользкий), он же *жуковатый* (от *жук* ловкий обманщик, пройдоха, жмот), также *вертожопый*, *хитрожопый* (т. е. трудно его *опустить*, поставить в зависимое положение, поймать на нарушениях, заслуживающих наказания), *лещ*, *обтекаемый*, *налим*, *тихоня*, *рысь*, *устрица*, *ушастый*; *прикальваться* – понимать что (это же слово имеет значения – ‘развлекаться, получать удовольствие’, ‘приставать’); *придрочиться* – привыкнуть, приспособиться к вещи, к рабочему инструменту (для сравнения, ср.: *дрочить* – заниматься онанизмом, раздражать, бесить, надоедать, а *дрочиться* – приставать, задираться, делать что-либо медленно); *понятие*, а также *с понятием* – означает серьезного человека, с которым можно иметь дело, знающего воровские традиции и правила, в то время, как *без понятий* – тот, кто не знает или не соблюдает воровских законов; *брать на понял* – добиваться своей цели угрозами, обманом, запугиванием; *писать*, а также иные слова с этим корнем означают бандитские действия ножом – разрезание, ножевые ранения, а *перо* – нож; *печатать* – совершать акт мужеложства; *писать карандашиком* – работать ломом; *книжник* – пьяница (говорит как по писанному, остановиться не может, и – ногами восьмерки пишет, выписывает); *книги читать* – пить спиртное; *кембридж* – ПТУ (профессионально-техническое училище как предел возможного образования, хотя нельзя не отметить, что это слово носит иронический оттенок); *кохом* – умный человек, и это же слово значит ‘мошенник’, ‘аферист’; *физик* – ненадежный, чужой по духу человек (слишком умный); *химик* – самогонщик, условно осужденный, а также обманщик, лгун, мошенник, аферист (от *химичить*, *схимичить*); *дать ума* – избить, отругать; *интеллигент* – учащийся ПТУ; осужденный за должностное преступление.

Голова, если исходить из традиционных значений слов, в уголовном языке означающих эту часть человека, является довольно пустым, нелепым приспособлением, предназначенным в первую очередь для битья (например, такая семантика характерна для лексем типа *арбуз*, *кумпол*, *жбан*, *балда*, с предполагаемой гулкостью при постукивании, ударе); нередко тем же словом, что и голова, называется мужской половой орган.

3. ЧЕЛОВЕК ЗОНЫ: ЗАКОН И СВОБОДА

В уголовном мире никто не свободен. Человек оттуда не может быть внутренне свободным, поскольку он слишком скован постоянным противостоянием своим остальному миру. Он не может чувствовать себя свободным, пока есть кто-то над ним, кто сильнее его. Он не

может чувствовать себя свободным, даже если он считается самым сильным и авторитетным в своей среде, поскольку это положение вполне непрочное и не надолго.

Уголовник, по сути своей, является социопатом и невротиком. Он не в состоянии строить свои отношения с миром естественным способом. Он не получил прав строить свои отношения с миром по тем законам, которыми руководствуется остальное общество. Он отторгнут в определенной степени от этого общества. А невротика необходимо 1) как **оправдание своему существованию и тому образу жизни, который он ведет**, 2) как **строгое регламентирование жизни по своим законам**.

Эти два условия позволяют ему чувствовать себя более комфортно рядом с лучше адаптированными людьми и даже обвинять их и осуждать за то, что они живут другими правилами и ценностями. Таковы функции законов и традиций преступного мира. Человек достаточно авторитетный в своей среде может чувствовать себя в своей тарелке благодаря тому, что он соблюдает *закон*, его уважают другие именно за это, этот закон вполне охраняет его от посягательств на его положение.

Закон преступного мира является институтом, противопоставленным системе законов и правил гражданского общества. Человек (средний человек, который, как известно, слаб) не может быть в обществе просто изгоем, ему необходимо с кем-то себя идентифицировать, испытывать чувство общности. Преступная среда обычно и принимает в себя тех, кого общество отторгло от себя, это антиобщность, общность для тех, кто не может принять общепринятые правила.

Мы не будем здесь стараться выказывать знание воровского закона, эту информацию можно найти в более или менее полном виде в любом словаре уголовной лексики. Здесь приводится психологический анализ некоторых положений этого закона. Ниже некоторые его аспекты будут освещаться нами подробнее.

Так называемый *вор в законе* обязан отказаться от родных. Выше уже рассматривались особенности генетической семьи представителя уголовной среды. Исходя из уже сделанных выводов, можно обнаружить, что соблюдение этого правила не составляет особого труда для уголовника, так как детство, проведенное в детском доме, в зоне или в подворотнях, в доме, где взрослые постоянно осуществляют насилие над ребенком, не располагает к родственным чувствам и к любви – к матери и к отцу, которые разочаровывают, подавляют и издеваются, к братьям и сестрам, с которыми постоянны соперничество и вражда из-за нищеты физической и духовной.

Таким образом, правило это подсказано компенсаторным механизмом: тот, кто не может испытывать родственных чувств по объектив-

ным причинам, а следовательно, на общем фоне представителей гражданского общества является в определенной степени ненормальным, относит это явление в ряд нормальных, воздвигая его в закон. Так ему не нужно испытывать зависть, видя родственные отношения в семьях других людей и не нужно переживать свою неполноценность из-за отсутствия у себя этих чувств и отношений.

Далее, *вор в законе* должен не иметь семьи (однако он может иметь любовницу, но при этом особая привязанность к ней осуждается, вызывает насмешки и презрение). Едва ли кого-то еще нужно убеждать в правильности положения психоанализа, ставшего уже классическим, о том, что человек, отношения которого с матерью были нарушены или даже не имели места, испытывает трудности при завязывании отношений с женщиной и при создании собственной семьи. Вот и тут срабатывает тот же компенсаторный механизм, что и при предыдущем положении: уголовник не может создать семьи, так как у него нет для этого никаких потенций. И именно потому утверждается следующий постулат: *Нельзя, не должно иметь семью.*

А владение, к примеру, любовницей позволяет довольно успешно утверждаться над женщиной, сутью которой является желание иметь семью, посредством издевательств, вполне узаконенных правилами преступного мира. Здесь еще море возможностей для отмщения своей матери и всему женскому полу, а также можно позаботиться о том, чтобы ребенок (который может родиться от этого сожительства) никогда не увидел лучшего детства, чем имеющий любовницей его мать.

Другое правило – *не работать никогда и нигде, как бы трудно ни приходилось* – является следствием противодействия одной из основных ценностей законопослушных граждан: *жить своим трудом.* В этом правиле уголовного закона проявляется противостояние между вором, отвергнутым, и простодушным, подчиняющимся официальной власти.

Вор в законе должен помогать другим ворами морально и материально, держать в секрете сведения о соучастниках и их нахождении. Эти правила способствуют установлению общности между уголовниками и регламентируют в значительной степени обязанности по отношению друг к другу членов этой общности. Подобная регламентация необходима, поскольку представитель преступной среды не обладает чувством ответственности и его мало интересуют интересы другого.

Эти правила призваны объединить императивно людей, которые, в общем-то, не обладают коммуникативными навыками, способствующими объединению. Характерно, что эти правила регламентируют обязанности по отношению к другим представителям уголовной среды, с представителями противоположной общности каждый волен поступать

в соответствии со своими антисоциальными импульсами и желаниями, и вообще как угодно.

В случае необходимости младший преступник должен брать на себя вину старшего по рангу (или, как это называется в жаргоне, *по масти*), давая ему возможность подольше гулять на свободе. Это правило устанавливает ранговые отношения и обязанности низшего по отношению к высшему.

При этом есть еще одно условие: низший должен прикрывать высшего даже ценою собственной жизни, если понадобится. Этот закон устанавливает для более авторитетного вора неограниченные возможности распоряжаться судьбою каждого, кто *под* ним. Он, достигнув высшего ранга, может после этого утверждаться за счет других, как ему вздумается, может, посылая в неволю и на смерть других вместо себя, воображать, что наконец-то взял судьбу в свои руки. Это то, что дает человеку иллюзию власти и даже иллюзию всевластия, если кругом одни лишь низшие по рангу – то, чего так не хватает невротика, для которого реальный мир является неудовлетворительным и фрустрирующим.

Потом этот механизм ранговых отношений позволяет с легкостью и вполне законно (в этой среде) избегать ответственности (психологическое образование зрелого человека, состояние, до которого никогда не «дозревает» преступник), и еще лучше – перекладывать свою вину на другого, который, к тому же, считается в этой среде менее достойным. Ну, какой еще невротик может позволить себе эту процедуру без последующих угрызений совести! А именно так, без тени каких-либо угрызений, и происходит этот процесс в среде уголовной.

Вот еще одно жесткое правило этого мира – **авторитетный вор должен хорошо владеть воровским языком**. Особый язык, с одной стороны, еще больше отделяет общность, члены которой им пользуются, от других общностей. А с другой стороны, в данном случае, противодействие официальной власти и тем, кого эта власть защищает, осуществляется и на языковом уровне.

(Эта тенденция, заметим, прослеживается и на уровне семьи, которая, по остроумному замечанию К. Маркса, является *ячейкой общества*: уголовным языком сознательно начинают пользоваться дети из противодействия родителям. В семьях же, где нет противостояния между поколениями, слова уголовного языка либо случайно проскальзывают в речи детей, вследствие невольного подражания сверстникам, либо, бывает, дети пользуются словами воровского жаргона, не зная их смысла и происхождения).

Подтверждение этому можно найти в самом уголовном языке: многие слова литературного языка приобретают другой, часто противополо-

ложный, смысл, и наоборот, некоторым понятиям дается иное, иногда грубое и примитивное, название, нередко выражающее ироническую позицию.

Приведем примеры иронической позиции: *землеройка* – работница овощеводческой бригады; *родная речь* – нецензурная брань (здесь налицо также тенденции противодействия); *звонить в квартиру* – давить клопов на стене; *дворец бракосочетания* – традиционное место встреч гомосексуалистов.

Следование этому правилу **обратного языка** способствует созданию резко ограниченной МЫ-общности, обладающей определенными особенностями массового сознания, выраженными в воровском языке. Особый язык подсознательно меняет систему ценностей и установок человека. **Воровской же язык – язык импотенции и деструктивности.**

А вот ряд правил, устанавливающих иерархические отношения в качестве обязательных и необходимых:

1. Не играть в карты, не имея возможности расплатиться (кто это делает, попадает в зависимость к тому, кому проиграл) – этот закон определяет условия для того, кто хочет быть сильнейшим.

2. Обучать ремеслу молодых начинающих воров – это правило дает возможность *авторитету* собрать вокруг себя учеников, почитателей и защитников, обеспечивает трансляцию преступного опыта младшим поколениям.

3. По возможности иметь своих собственных *шестерок* (кого-нибудь на побегушках) – это правило обязывает старшего по рангу унижать других.

Правило *не терять рассудок при употреблении спиртного*, с одной стороны, является отражением представлений уголовного мира о силе и выносливости, с другой стороны, запрещает расслабиться и раскрепоститься даже не по своей воле, но ссылаясь на объективные внешние причины (каковой, в частности, является опьянение).

Вот правила другого характера, открыто выражающие тенденции противодействия официальной власти:

1. Не иметь никаких дел с властями (в частности, с лагерной администрацией).

2. Не участвовать в общественных мероприятиях.

3. Не вступать в общественные организации.

4. Не брать оружия из рук властей.

5. Не служить в армии.

Выполнять обещания, данные другим вора – любопытное правило, регламентирующее опять же в императивной форме то, что для человека не из этой среды соотносится с понятием о чести, долге, совести, ответственности. Утверждение этого в виде обязанности по отношению

к другим представителям воровской общности, чья позиция по отношению к миру далека от ответственности, выдает тенденцию уголовника обезопасить себя от тех форм и мотивов поведения, которые он склонен проявлять по отношению к окружающим.

4. БЕСПРЕДЕЛ ЕСТЬ ЖЕСТКАЯ ИЕРАРХИЯ И ДИСЦИПЛИНА

То, что человек, далекий от уголовной среды и внутренне свободный делает по велению совести или не делает, если степень его внутренней свободы позволяет ему это, представитель преступного мира обязан делать для своих собратьев по воровству вынужденно и из-под палки. Все законы и правила уголовного мира жестки, императивны, не предполагают никакой свободы выбора собственной линии поведения.

Уголовный мир заковывает человека в тиски своих законов, в какой-то степени, чтобы обезопасить его от обычной жизни, полной обязанностей и ответственности, но больше, чтобы обезопасить всю систему (уголовных отношений) от вмешательств со стороны внешнего враждебного мира и со стороны самой личности (каждый человек, как бы ни был он ограничен, все же в какой-то степени остается индивидуальным).

Уголовный мир делает человека **средним**. Никто не может быть самим собой, над ним тяготеют правила – и он может быть собой лишь настолько, насколько он вписывается в правила. Остальные части своего Я он должен отсекал: потому что они постыдны, потому что они слабости, в конце концов, потому, что они не нравятся более высшим и авторитетным, потому что вызывают насмешку. Быть непохожим – значит быть чужим, отвергаемым, потенциальной жертвой насмешки и насилия.

У выходца из уголовного мира слабое Я. Согласно психоанализу, Я становится слабым, если на него действуют подавляющие силы. В обществе и большей степени подавление оказывается именно на уголовные элементы. Механизм подавления всегда действует по цепи: получи и передай дальше. Особенно, если этот механизм не интериоризирован и является внешним по отношению к Я. В личности уголовника мало что интериоризировано, поскольку он в значительной степени выпал из обычной линии трансляции культурного опыта поколениями. Родительские образы у него нарушены, и вообще ценности, которые он для себя принимает, субкультурны.

Представитель уголовного мира готов быть заключенным изначально. Эту тенденцию отражает лагерная пословица о местах лишения свободы: *не был – будешь, был – не забудешь*. В этом примере

выражена закладываемая программа. Часть уголовников были в детстве воспитаны в зоне. Когда они выходят на свободу, они не могут оказаться морально свободными людьми. Для них свобода – это свобода морально подавлять других, если некому тебя подавить.

Это и есть тот опыт, который транслируется в поколениях воров и бывших заключенных. Для трансляции насилия нет необходимости в сформированном правильно родительском образе. Это закон перманентно опасной действительности, которую получает во владение человек без материнской любви. Это закон деструкции, которая есть результат ошибки в развитии.

Средний представитель уголовного мира – деструктор и социопат. Это, если можно так выразиться, его видовые признаки, которые в каждом из представителей этой среды выражены в большей или меньшей степени. Формы деструкции сугубо индивидуальны. Это, кстати сказать, и есть то свойство личности, которое позволяет уголовными законами, и потому следующий им может его развивать во все свое удовольствие, пока жизни хватит.

Деструктор самоутверждается всегда и только за чужой счет (иначе он просто не может, как уже отмечалось выше). Социопату же необходимо, чтобы эта форма самоутверждения была разрешенной и, более того, предписанной. Ее утверждает уголовный закон, устанавливающий иерархию и жесткую дисциплину внутри нее.

Иерархия (или, как ее называют, *масти*) имеет жесткую структуру. Каждая *масть* преступного мира устойчива и носит кастовый характер. Перейти в высшую *масть* можно только по решению воровской *сходки*. Человек, попавший в касту презируемых, не может выйти из нее, – он так и остается презируемым. Доносчик (тот, кто нарушил законы сообщением с враждебным противоположным миром и сотрудничеством с ним) должен быть уничтожен.

В языке отражается жесткость иерархии: название человека, относящегося к той или иной *масти*, жестко отводит ему место в иерархии. Например, *егор* – вор, не пользующийся доверием среди своих; *мужик* – заключенный, не примыкающий к представителям преступного мира, живущий в зоне за счет своего труда и передач с воли.

Уголовный язык – примитивный язык, в нем нет (или почти нет) обобщающих понятий. Обобщение не характерно для него, он синкретичен, в этом отношении это язык полурепбенка-полуподростка. Этими особенностями языка определяется категоричность суждений и разделений.

Само понятие *беспредел* означает беззаконие, самоуправство, самодурство, произвол, этим словом обозначается группировка заключенных-блатных, не придерживающихся *воровского закона*. Однако

название данной главы не является ошибкой. *Беспредел* – та форма отношения и поведения, которая применяется в зоне, в уголовном мире к нижестоящему, к чужому, ко всякому отторгнутому от группы, что делает его сразу же презираемым и низшим в иерархии – жертвой, которая не имеет права применить насилие к кому-то другому, потому что ниже никого нет.

Беспредел – то отношение, от которого вор старается уберечь себя установленным законом. Это то поведение, которое закономерно и обусловлено в уголовном мире. **Иерархия и правила преступного мира всего лишь определяют степень и меру беспредела** – самоуправления и самодурства: кто по отношению к кому и сколько может применить его.

И законы нарушает тот, кто не хочет быть обиженным, а желает сам устанавливать себе и другим меру произвола. Любопытно, что *беспредельником* называется не только вор, не принадлежащий ни к одной воровской группировке и не придерживающийся воровского закона, но и сотрудник уголовного розыска, КГБ.

5. ИЕРАРХИЯ ЗОНЫ: ПОЛИТИКА, МАФИЯ, УГОЛОВНЫЙ МИР

К уголовному миру имеют отношение не только воры, но и представители тех структур власти, которые ими занимаются, т. е. ловят их, допрашивают, содержат их в тюрьме и в лагере. Взаимодействие в общении предполагает взаимное понимание, без которого взаимодействие как таковое не может состояться. Таким образом **приобретается общность языка и общность сознания**. Тем более, что надзиратель в лагере не имеет возможности отключиться от того, что его окружает. Не имеет возможности, но и не хочет порой. И даже может получать удовольствие от своего образа жизни и рода деятельности.

Исторически так сложилось, что в течение нескольких десятилетий большая часть населения России провела в лагерях: кто-то в роли **заключенных**, кто-то в роли **надзирателей**. Но роль надзирателя не более освобождает, чем роль заключенного: первая отличается от последней только лишь большей степенью дозволенного произвола. Надзиратель, как и заключенный, *сидит в зоне*, поскольку он замкнут в ограниченном пространстве. Он обязан сидеть, образно выражаясь, напротив своего надзираемого. Поэтому и язык у них общий. Конечно, надзиратель волен делать что угодно со своим надзираемым, но не волен он при этом распоряжаться самим собой.

Саму революцию, какой бы великой она ни была потом названа, делают люди, которые не были свободны при предыдущем положении

существовавшего общества. И что же, они думают, что приход к власти их освободит? До революции они сидели, быть может, в тюрьмах. А потом, чтоб не быть обиженными, они нарушают законы, что является сутью любой революции, и устанавливают себе меру произвола, а потому, соответственно, и определенные формы коммуникативных отношений.

Вот только одна из таких моделей... Двое сидящих друг против друга заключенных – **надзиратель** и **надзираемый** – меняются местами на стульях по обе стороны решетки, отделяющей их друг от друга. Выигрыш (небольшой, прямо скажем) у того, кто получает большую степень произвола. **Сознание** у них одинаковое, **язык** тоже, *колючая проволока* как вокруг одного, равно как и вокруг другого, общая.

Уголовный мир начинается с политики. Сущность уголовного сознания – стремление к власти человека, обделенного любовью и лишеного чувства безопасности. История пестрит примерами: Римская империя, фашизм в разных странах Европы, французская революция. К власти приходят люди, которые стремятся получить для себя меру произвола по отношению к другим, для которых справедливость – в своей причастности к практике несправедливости.

Это они деструкторы, это они не изобретательны, хотя хотели бы считать себя таковыми. Подтверждение этому – один и тот же набор пыток (довольно длинный, правда), которые применялись и в Древнем Египте, и в Античном Риме, и в Бастилии, и в застенках постреволюционных и тоталитарных государств.

Самые крупные преступления – политические. Например, война или экологическая катастрофа, – что это есть, как не узаконенное вполне преступление? Уголовная среда субкультурна, но она *суб-культурна* по отношению к культуре государства, в рамках которого существует.

Между институтом власти и преступным миром есть некое крупное связующее их звено (точнее, не связующее, а являющееся одновременно и тем, и другим, т. е. отождествляющее эти будто бы две непримиримые противоположности) – современная *мафия*, как общегосударственная структура уголовного мира. Это структура, которая может относиться в большей степени к власти или же в большей степени к уголовному миру (в зависимости от специфических условий общества, в котором оно существует).

По-видимому, это как раз и есть макрогруппа людей, которые стремятся сами быть устанавливающими степень произвола себе и другим (Чиж 2001). Если это так, то мафия будет обладать структурами официальной власти там, где более вероятен приход к высшей власти человека, не желающего быть обиженным, по типу деструктора и социопата, что уже не раз становилось для России печальной действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Балдаев Д. С., (1997), *Словарь блатного воровского жаргона*, т. 1–2, Москва.
Винокур Т. Г., (1993), *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*, Москва.
Земская Е. А., (1992), *Словообразование как деятельность*, Москва.
Караулов Ю. Н., (1999), *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*, Москва.
Чиж В. Ф., (2001), *Психология злодея, властелина, фанатика: записки психиатра*, Москва.

Aurika Chervinsky

THE CRIMINAL LAW AND COMMUNICATION MODELS OF
A CONFINEMENT ZONE

S u m m a r y

The law of force is considered as a basic law in the criminal world. The weak becomes despised. To the weak belong children, women, homosexuals, those who depends on somebody, those who can be deceived or robbed, those who has dishonoured himself, not having sustained test or having contacted with the authorities. Everyone admitted into a group has to pass a kind of initiation ritual (so-called registration), by which it is checked how much is he weak or firm. All these things find the reflection in a language of marginal groups.